

Виктория Горбань, Мария Клокова, Алла Порожнюк
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СУПЕРКОНЦЕПТОМ ЧЕЛОВЕК
В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологизмы – ценнейший клад знаний о менталитете народа, в них аккумулированы мифы, легенды, обычаи, представления о жизни. По мнению Х. Касареса, «...в этих эллиптических формулах, которые были отшлифованы и оставлены в наследство потомкам, отражена вся история наших предков, вся психология, ...забытые легенды, искореняемые предрассудки, обряды, обычаи, народные игры, исчезнувшие ремёсла...» [5, с. 255]. Сходные воззрения высказывает и отечественный учёный Е. А. Селиванова: «Фразеологизмы любого языка являются лингвосомиотическим феноменом..., в котором в устойчивой форме сохраняются и транслируются представления этноса об окружающем мире» [11, с. 11].

Фразеологизмы как составная часть системы языка являются отражением предметно-понятийных и функциональных свойств внеязыковой сферы. Каждый язык по-своему «членит» мир, и фразеологизмы как квазистереотипы и квазиэталон народного мировоззрения представляют преимущественно повседневно-эмпирический опыт языкового коллектива, связанный с его историей и традициями.

Доминирующей зоной фразеологического фонда многих языков является суперконцепт *человек*, о чём свидетельствуют исследования И. Березнёвой [1], Т. Дьяковой [3], О. Каракуци [4], О. Майбороды [7], Е. Селивановой [11] и др. В этой связи представляет интерес сопоставительное изучение одноимённого фразеологического поля – с суперконцептом *человек* – в русском, украинском и немецком языках.

Цель данной работы – изучение сходств и различий означенной выше фразеологической микросистемы в родственных и неродственных языках, исходя из структурно-семантических и функциональных особенностей фразеологических единиц (ФЕ) в каждом из этих языков. В соответствии с критерием отбора материала и целью его исследования было отмечено три основных типа соотношений фразеологизмов в русском, украинском и немецком языках: эквивалентные, близкие, или сходные соответствия, а также безэквивалентные.

Наибольшую группу составили фразеологизмы, совпадающие или близкие по значению и структуре, подтверждая этим тезис о том, что «процесс фразеологизации, национальный по форме, во многом основывается на осмыслении одних и тех же или сходных денотатов, что и создаёт одинаковые или очень сходные фразеологические значения...» [12, с. 288].

Фразеологические эквиваленты в русском, украинском и немецком языках обнаружили полное совпадение по семантике и внутреннему образу и проявились в линейных соответствиях (1:1:1). ФЕ с таким формаль-

ным соответствием называют различные качества характера человека: *проницательный, хорошо знающий чьи-либо мысли, намерения: видит насквозь – бачить наскрізь – j-n durchschau-en; болтливый, говорящий лишнее: длинный язык – довгий язык – eine lange Zunge haben; несдержанный, темпераментный: горячая голова – гаряча голова – der Hitzkopf haben; холодный, безразличный ко всему: рыба кровь – риб'яча кров – das Fischblut haben; бесстыдный, наглый: ни стыда ни совести – ні сорому (ні студа) ні совісті – scham- und gewissenlos sein; крайне наглый, бесстыдный, упрямый: медный лоб – мідний лоб – eherne Stirn; вялый, медлительный: как сонная муха – як сонна муха – matt wie eine Fliege.*

Эквивалентность некоторых ФЕ нередко мотивирована общностью их происхождения: в книжных фразеологизмах прослеживается связь с библейскими, художественными и иными текстами. Такого типа ФЕ указывают, в частности, на следующие черты характера человека: *недоверчивый, скептически настроенный: Фома неверующий – Хома невірний – der ungläubige Thomas; человек большого мужества и высоких нравственных достоинств: рыцарь без страха и упрёка – лицар без догани і страху – Ritter ohne Furcht und Tadel.* Как эквивалентные мы рассматриваем также ФЕ, в структуре которых содержится вариантная грамматическая форма (морфологическая, синтаксическая) или вариантная лексема, не нарушающие семантико-функциональной целостности фразеологизма. Примером могут служить фразеологизмы с такими характерологическими значениями: *откровенный, искренний, правдивый: называет вещи своими именами – називає речі своїми (справжніми, власними) іменами – die Dinge beim Namen nennen; остроумный, язвительный: острый (остёр) на язык – гострий на язык (слово) – eine spitze (scharf) Zunge haben; неразговорчивый: скупой на слова – скупий на слова (на слово / на мову) – karg an Worten sein / wortkarg sein; не приспособленный к жизни, избалованный: тепличное (оранжерейное) растение – теплична рослина – die Freibhauspflanze; ограниченный: не видит дальше [кончика] своего носа – не бачить далі власного носа – nichts ausser der eigenen Nasenspitze sehen («не видеть ничего, кроме кончика собственного носа») / nichts uber die eigene Nasenspitze hinaussehen («не видеть ничего более кончика своего носа»); занимающий неопределённую позицию: сидит меж двух стульев – сидить на двох стільцях (між двома стільцями / між двох стільців) – zwischen zwei Stuhlen sitzen.*

Изредка эквивалентные фразеологические соответствия образуют синонимические ряды, компоненты которых имеют сходство даже по эмоционально-экспрессивной градации. Так, для характеристики отзывчивого, исполненного доброты человека в русском, украинском и немецком языках используются синонимы-фразеологизмы: *добрая душа, доброе сердце, золотое сердце, мухи не обидит – добра душа, добре*

серце, золоте серце, мухи (комашины) не скривдить (не зачепить) – eine gute Seele, gutes Hertz, weiches Hertz, keiner Fliege etwas zuleide tun.

Общие для ФЕ соматизмы «душа», «сердце» и зооним «муха» / «комашина» свидетельствуют об общей психоментальной интерпретации качеств человека в разных языковых культурах. В то же время наблюдаются эквивалентные по значению и составу фразеологизмы, которые в славянских языках маркированы дополнительной коннотацией. Коннотативную сему в таких фразеологизмах могут обусловить особенности их грамматической структуры: *глаза завидующие – очі завидючі – neidische Augen* (букв. «завистливые глаза»). Старославянский по происхождению суффикс -ущ- в составе прилагательных русского и украинского языков придаёт им значение высокой степени проявления признака с оттенком грубо-пренебрежительной оценки, подчёркивая обиходно-разговорную направленность этих ФЕ. Данные фразеологизмы в русском и украинском языке являются эллиптированным вариантом следующих выражений: *глаза завидующие, а руки загребущие – очі завидючі, а руки загребуці*. Ещё А. Потембной было отмечено, что процесс «расщепления» фразеологических единиц определённых категорий создаёт качественно новые структуры [10, с. 97–98]. В данном случае ассоциация с развёрнутой формой фразеологизма, где наблюдается своеобразная амплификация упомянутого суффикса, также порождает дополнительные коннотации в семантике славянских фразеологизмов.

Отмечено, что эквивалентные ФЕ в некоторых из сопоставляемых языков имеют синонимы, которые, как известно, являются носителями специфической информации об одном и том же денотате. Например, избалованного, изнеженного молодого человека характеризуют эквивалентные фразеологизмы *маменькин сынок – мамин синок – das Muttersohnchen sein*, а в русском языке это значение передаёт и выражение *папенькин сынок*. Для характеристики прожорливого человека (*есть за троих – їсти за трьох – fur drei essen*) в русском языке имеется также выражение *есть за четверых*, акцентирующее экспрессивность семантики фразеологизма. В синонимических модификациях фразеологизмов того или иного языка доминирующая лексема либо повторяется («сынок», «есть»), либо видоизменяется как элемент новой фразеологической структуры. Примером последнего являются ФЕ со значением «лицемерный, прикрывающий свои дурные намерения маской добродетели человек»: *волк в овечьей шкуре; двуликий Янус – вовк в овечій шкурі; дволикий (двулиций) Янус – ein Wolf im Schafspelz; doppelkopfiger Janus*. В украинском языке указанное значение передаёт и выражение *дивиться лисицею, а думає вовком*.

Таким образом, фразеологические эквиваленты, характеризующие человека в русском, украинском и немецком языках, отмечены общностью

семантики, единством внутреннего образа и функциональной идентичностью. Но даже при таком максимальном соответствии ФЕ могут иметь лексико-грамматическое варьирование или дифференцированную сему, стоящую на периферии семантики фразеологизма.

Не менее обширную группу составляют ФЕ, которые сходны по своей семантике, но лишь частично совпадают по составу в русском, украинском и немецком языке. Различие ФЕ может быть обусловлено отсутствием или наращиванием некоторых компонентов их структуры в том или ином языке, напр.: *преданный душой и телом – відданий душею (серцем) – mit Leib und Seele ergeben sein; готов в огонь и воду – у вогонь і в воду – durchs Feuer gehen* (букв. «идти сквозь огонь»); *слово / слова надо клещами тащить (вытягивать) – обценьками не вирвеш (не витягнеш) слова – sich jedes Wort (einzeln) aus der Nase ziehen lassen* (букв. «каждое слово заставлять вытягиваться (отдельно) из носа»). Наращивание структуры немецкого фразеологизма, вероятно, возникло из ассоциации с пыткой клещами. Сходные по семантике и частично по составу ФЕ в русском, украинском и немецком языках могут иметь линейные соответствия (1:1:1), что подтверждают приведенные выше примеры, но чаще – векторные (1:N:N): *ходит (расхаживает) как [большой (важный)] барин – великий пан; велике цабе; велика цяця; велика птиця – den [grossen] Herrn spielen (herauskehren)* (букв. «выступать как [большой] господин»). При любом типе соответствий фразеологизмов в их структуре сохраняется доминирующий компонент или близкий к нему по значению, обеспечивающий семантико-функциональное сходство ФЕ. Так, для характеристики челове-ка болтливового, пустомели в русском, украинском и немецком языках используются соответственно фразеологизмы: *бойкий на язык – клепаний на язык; на язык швидкий – das Schnattermaul haben* (букв. «иметь болтливый рот»).

Доминирующими в этих фразеологизмах являются лексемы «язык» и «рот», соотносящиеся с общим для носителей русского, украинского и немецкого языков понятием – «органы речи». В этой связи убедительным является утверждение В. Ярцевой о том, что от сравнительного изучения мало пользы, если приходится каждый раз констатировать, что сравниваемые предметы не имеют ничего общего. «Сравнение языков возможно и плодотворно лишь при наличии хотя бы одного сходного элемента их структуры» [15, с. 5]. Таким элементом может оказаться и сходство интегральных сем в словах, формирующих семантическую общность ФЕ. Показательны в этом отношении фразеологизмы, характеризующие несдержанного, вспыльчивого человека: *с огнём – гаряча натура – der Feuerkopf sein* (букв. «быть пламенной головой»). В значении слов «огонь», «горячий», «пламенный» актуализируется сема «высокая температура». Общее для носителей разных языков

представление о разрушительной силе огня, очевидно, и было заложено в образную характеристику вспыльчивого человека.

Ассоциации, лежащие в основе фразеологизмов со сходной семантикой, могут быть как общими для разных национальных культур, так и различными. Одинаковые ассоциации прослеживаются в фразеологизмах, характеризующих хитрого и льстивого человека: *Лиса Патрикеевна – Лис Микита; лисичка-сестричка; лисом підшитий; старий лис – ein alter Fuchs* (букв. «старый лис»). Такого типа фразеологизмы «выполняют роль эталонов, стереотипов культурно-национального мироощущения» [13, с. 152]. В особенностях ассоциативных связей, формирующих семантику ФЕ, проявляется национальная специфика фразеологизма. В украинском языке выражение «старый лис», будучи многозначным, может характеризовать также человека опытного, закалённого жизнью, бывалого, выносливого, которого сложно перехитрить, обмануть. Ассоциации с абсолютно разными предметами сформировали значение фразеологизмов, характеризующих человека беспокойного, непоседливого, вертлявого: *живой как ртуть – як живчик – unruhig wie Quecksilber sein* (букв. «быть беспокойным, как ртуть»). Если в русском и немецком фразеологизмах фигурирует один и тот же образ – ртуть, то в украинском фразеологизме это образ пульсирующей жилки. Название предмета и его признака отразилось в семантике существительного «живчик», а потому и не имеет атрибутивного конкретизатора в структуре украинского фразеологизма.

Распределение ФЕ по типу их соотношений в сравниваемых языках на эквивалентные и близкие по структурно-семантическим признакам является в определённой степени условным, поскольку фразеологическое разнообразие живого языка выходит за фиксированные рамки любой классификации. В этой связи можно говорить и о смешанном типе соотношений фразеологизмов в русском, украинском и немецком языках. В качестве примера могут быть ФЕ со значениями: *искренний, прямодушный: что на уме, то и на языке – що на умі, те й на язиці – wes das Herz voll, ist des geht der Mund uber* (букв. «чем полно сердце, то проходит через рот»); *das Hertz auf der Zunge haben (tragen)* – (букв. «сердце на языке иметь (носить)»); *смелый: не [из] робкого (трусливого) десятка – не [з] лякливого десятка; не з полохливих; не з боязких; редко, не страшкові діти – keiner von den Zaghaften sein* (букв. «быть не из робких»).

Иногда эквивалентные или близкие по структурно-семантическим особенностям ФЕ имеют в одном из языков фразеологический синоним, целиком отличающийся по составу от предыдущих, что также подчёркивает его национальную специфику. Например, высокомерного, заносчивого человека характеризуют выражения: *манія величчя; ходит как павлин – манія величі – der Grossenwahn (die Grossmanssucht) haben*. Бездельника и лентяя характеризуют такие фразеологизмы: *пальцем не*

пошевелит; и пальца не погнёт; и пальца не подымет; палец в ухе держит – пальцем не ворухне; мизинним пальцем не вдарить; палець о палець не вдарить; ні за холодну воду – keinen Finger ruhren; keinen Finger krummen (букв. «не согнуть ни пальца»). О наблюдательном, замечающем всё вокруг человеке говорят такие фразеологизмы: *держать ухо остро – насторожити вуха; держати (тримати) вуха гостро; оглядатися (поглядати) на задні колеса – die Ohren spitzen* (букв. «уши наострить»); *scharf aufmerken* (букв. «остро прислушиваться»).

Сопоставление синонимических рядов ФЕ русского, украинского и немецкого языков наглядно демонстрирует как общие, так и дифференциальные признаки фразем. Последние являются индикатором национально-языковой специфики фразеологии.

Наиболее выразительно отражают особенности национального менталитета и культуры безэквивалентные фразеологизмы. Таковыми являются ФЕ, представленные лакунами в другом языке. Лакуна «представляет собой отсутствие межъязыкового соответствия в одном языке относительно другого» [12, с. 26]. При этом важно учитывать тот факт, что ФЕ одного языка, являясь безэквивалентными относительно другого, могут иметь прямые соответствия в иных языках.

Безэквивалентными фразеологизмами русского языка являются, в частности, следующие: *балалайка бесструнная, рубаха-парень, кисейная барышня, церковная кликуша, вырос в хлопках*. В украинском и немецком языках этим ФЕ соответствуют лакуны. Значения безэквивалентных фразеологизмов могут передавать либо лексемы, либо свободные словосочетания. По мнению М. Кочергана, во многих случаях эквивалент-слово имеет достаточно высокий уровень внутренней экспрессии, которая компенсирует отсутствие фразеологического словосочетания с тем же значением [6, с. 340]. Например, безэквивалентной русской фраземе *забубённая головушка* соответствуют в украинском языке несколько слов с выразительной внутренней формой: *шибайголова, зайдиголова, урвиголова, пробийголова*.

Структуру безэквивалентных фразеологизмов нередко формирует лексика, отражающая определённый национальный колорит. В украинском языке это иллюстрируют следующие фразеологизмы: *як з ключця батіг* (никудышний); *мов кулик на вітер* (обст. – огорчённо, насупившись); *як порося на орчику* (возвеличивать себя); *кислиці розсипати* (становиться безвольным, жаловаться); *позичати у Сірка очі* (терять совесть, чувство собственного достоинства); *знати тільки з миски (носа) та в рот* (не разбираться не в чём). Примером безэквивалентных ФЕ немецкого языка являются фразеологизмы, обозначающие такие качества человека: *вялый, инертный, малоподвижный, безынициативный: eine lahme Ente* (букв. «хромая утка»); *пронырливый, жуликоватый:*

wo Bartel den Most holt wissen (букв. «знать, где Бартель приносит молодое вино»); *чутко воспринимающий, тонко чувствующий: ein feines Ohr für etwas haben* (букв. «иметь чуткое ухо на что-либо»); *отличающийся большой прозорливостью, проницательностью, дальновидностью: das Gras wachsen hören* (букв. «слышать, как растёт трава»).

Следует отметить, что в немецком языке при сопоставлении его с русским обнаруживается больше лакун, нежели в украинском на фоне русского. И это закономерно, поскольку генетическое родство славянских языков обусловило сходство их на всех уровнях, включая фразеологический. В качестве примера, отражающего лакуарности в немецком языке, можно привести фразеологизмы с такими значениями: *чрезвычайно скромный, незаметный, тихий человек: тише воды [и] ниже травы – тихий води, нижчий трави; прилежный, трудолюбивый: как пчёлка; как вол; как муравей – як бджілка; як [чорний] віл; очень щедрый: последнюю рубашку отдаст – зніме (скине) і віддасть останню сорочку (з себе); очень молчаливый: как воды в рот набрал – як води в рот набрав; тупой, упрямый: упрямый как осёл – упертий як осел; легкомысленный: ветер в голове – вітер у голові [грає, свище]; склонный к воровству: нечист на руку – нечистий (хапкий) на руку. Только изредка можно наблюдать лакуны в украинском языке по отношению к фразеологизмам русского языка: *тихий как мышка – (mucks) tauschen sein* (о застенчивом и скромном человеке). Украинский фразеологизм *мишача душа* функционирует в значении «боязливый, мелочный человек, способный на подлость».*

Учитывая семантические, формальные и функциональные показатели ФЕ с суперконцептом *человек* в русском, украинском и немецком языках, можно сделать следующие выводы:

1. Фразеологизмы в исследуемых языках имеют три основных типа соотношений: эквивалентные, сходные и безэквивалентные.

2. Эквивалентные ФЕ имеют полное структурное, семантическое и функциональное соответствие. Оно обусловлено сходным осмыслением денотатов у разных этносов, а также общностью книжных источников происхождения фразеологизмов. Эквивалентные отношения чаще наблюдаются между отдельными ФЕ русского, украинского и немецкого языков и реже – между фразеологическими синонимами этих языков. В структуре ФЕ с эквивалентными отношениями может иметь место лексико-грамматическое варьирование, если оно не нарушает единства внутреннего образа и функций, а следовательно, и эквивалентности фразеологизмов.

3. Сходные соотношения имеют ФЕ, семантика которых строится на различного рода ассоциациях: одинаковых, сходных, иногда и разных. Будучи своеобразным культурным кодом, ассоциации в образной форме передают значения ФЕ и в то же время подчёркивают их национально-языковую специфику.

4. Наиболее ярко отражают национальный колорит безэквивалентные ФЕ. Лексические компоненты их структуры нередко акцентируют национальные реалии (*хлопочки, балалайка; кислиці, галушка*; и т. п.) или национальную окраску имён собственных (*Bartel; Сенька; Пилип, Сірко*; и т. п.), порождая тем самым лакуны в других языках.

5. ФЕ с различным типом соотношений в русском, украинском и немецком языках, характеризую человека, указывают в большинстве случаев на его отрицательные черты. Такая тенденция, по-видимому, связана с психоментальными факторами, общими для разных национальных культур, что и нашло своё выражение в фразеологических средствах языка.

1. Березнева І. М. Особливості вивчення фразеологічних одиниць із соматизмами як наукова проблема // Лінгвістичні дослідження.– К.: КНУ.– 2000.– № 5.– С. 7–11.
2. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь.– М.: Рус. яз., 1975.– 656 с.
3. Д'якова Т. О. Фразеологічна картина світу як складова мовної картини світу // Лінгвістика.– ЛГПУ.– 2005.– № 1 (4).– С. 14–18.
4. Каракуця О. М. Лінгвокультурологічний аналіз фразеологізмів з компонентом *душа* // Лінгвістичні дослідження.– К.: КНУ.– 2001.– № 6.– С. 27–33.
5. Касарес Х. Введение в современную лексикографию.– М.: Иностран. лит., 1958.– 354 с.
6. Кочерган М. П. Основы зіставного мовознавства.– К.: Академія, 2006.– 424 с.
7. Майборода О. А. Внутрішня форма фразеологізму як відтворення національної самобутності мовного колективу // Лінгвістичні дослідження.– К.: КНУ.– 2000.– № 4.– С. 57–61.
8. Мальцева Д. Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов.– М.: Рус. яз. Медиа, 2003.– 506 с.
9. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка.– М.: Рус. яз., 1986.– 758 с.
10. Потєбня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка.– Харьков: Госиздат, 1930.– 162 с.
11. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психоконітивний та етнокультурний аспекти).– К.–Черкаси: Брама, 2004.– 276 с.
12. Стернин И. А. Принципы описания фразеологии в контрастивных словарях // Контрастивная лексикология и лексикография.– Воронеж: Истоки, 2006.– С. 287–290.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.– М.: Наука, 1996.– 175 с.
14. Фразеологічний словник української мови / За ред. Л. С. Паламарчука. – К.: Наукова думка, 1993.– Кн. 1–2.– 980 с.
15. Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков // Научные доклады высшей школы. Сер. Филол. науки.– 1960.– № 1.– С. 5–10.